

БЕНТАМ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ВЫМЫШЛЕННЫХ СУЩНОСТЕЙ И КАТЕГОРИЯХ АРИСТОТЕЛЯ

В. В. ОГЛЕЗНЕВ

Томский государственный университет
ogleznev82@mail.ru

VITALY OGLEZNEV

Tomsk State University

BENTHAM ON DEFINITION OF FICTITIOUS ENTITIES AND ON ARISTOTLE'S PREDICAMENTS

ABSTRACT. The article presents Bentham's theory of fictionalism in the form in which it is developed in his *Fragment on Ontology* and *Essay on Logic*. It is shown that interest in Bentham's fictionalism is connected not only and not so much with the fact that it is a necessary part of his philosophical conception, but also with the fact that Bentham's method of explanation of fictitious entities inspired by Aristotle's logic and his *Predicaments*, modified the methodology of modern philosophy. The fictitious entities must be defined by a method of definition that Bentham invented, and termed "Paraphrasis". This involves placing the definiendum in a sentence, and then paraphrasing it by translating the whole sentence into a sentence equivalent in meaning in which the definiendum does not appear. Thus, Bentham's paraphrasis and theory of fictitious entities influenced the development of philosophical as well as legal conceptions of the 20th century.

KEYWORDS: paraphrases, fictitious entity, real entity, predicaments.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Совета по грантам Президента РФ (проект № МД-1530.2018.6).

Теория реальных и вымышленных сущностей, или теория фикционализма, – это *locus classicus* творчества Бентама, но вместе с тем это, пожалуй, самая противоречивая его часть. Долгое время в литературе господствовала точка зрения, что утилитаризм Бентама основан на его теории фикционализма, однако сегодня считается, что различие и связь реальных и вымышленных сущностей являются основой всей его философской системы, формируя не только его правовую теорию, но и подход к этике, математике,

СХОЛН Vol. 13. 1 (2019)

www.nsu.ru/classics/scholar

© В. В. Оглеzneв, 2019

DOI: 10.25205/1995-4328-2019-13-1-339-348

физике и естественным наукам (Tarantino 2018, 15). На это обстоятельство также указывает Филипп Шюфилд: «Часто считалось, что отправной точкой размышлений Бентама является принцип полезности. Однако, есть и более важный аспект его мысли, из которого исходит сам принцип полезности. Это – его онтология и теория логики и языка» (Schofield 2009, 50). Теория реальных и вымышленных сущностей Бентама является, таким образом, не только важным этапом в истории фикционализма, но и самостоятельным предметом исследования, привлекающим внимание специалистов из области философии науки, этики и юриспруденции. Его оригинальная фикционалистская трактовка значения и истины концептуальных объектов и сегодня не теряет актуальности для историко-философских исследований.

Интерес к теории фикционализма Бентама связан не только и не столько с тем, что она выступает в качестве необходимой части его философской концепции, но с тем, что разработанная им теория вымышленных сущностей и метод их определения, инспирированные, прежде всего, категориями Аристотеля, во многом видоизменили методологический аппарат современной философии языка. Более того, предложенный им метод парафразы, как особый способ объяснения абстрактных понятий, или, выражаясь его словами, «вымышленных сущностей», оказал существенное влияние и на развитие семантических концепций аналитической философии XX века, особенно на Фреге, Рассела и Куайна (Bronzo 2014, 2–3). Например, по мнению Куайна, именно метод Бентама «произвел революцию» в семантике: «Бентам признал, что для того, чтобы объяснить термин, нам не надо устанавливать объект, к которому он отсылает, нам даже не надо подбирать синонимичное слово или фразу; нам следует лишь показать, как этот термин используется во всех возможных употреблениях» (Quine 1969, 72).

Основная посылка Бентама состояла в том, что чтобы понять характер математических, физических, моральных, юридических и религиозных понятий, их следует трактовать в качестве вымышленных сущностей. В этом и заключается их онтологический статус. Но подобная трактовка становится возможной, если мы строго отличаем их от того, что называется реальными сущностями. Каково значение этого различия? Различие реальных и вымышленных сущностей, по-видимому, отсылает к схоластической традиции и в некотором смысле соответствует различиям между *ens reale*, существующих независимо от сознания, и *ens rationis*, существование которых зависит от сознания.

Разделяя номиналистскую идею универсалий (так что логические универсалии рассматриваются как *entia ficta*, а именно, как конструкции, не

имеющие связи с реальными объектами), Бентам выступает против их схоластической интерпретации. Вместо этого, он предлагает обратиться к семантическому анализу вымышленных сущностей в том виде, в котором они выражены в языке, или, вернее, обратиться к тому, как они обозначены «именами вымышленных сущностей». Эти имена представлены классом существительных, который противопоставляется другому классу – «именам реальных сущностей»: «сущность является именем, посредством которого может быть выражен любой предмет дискурса, обозначенный грамматической частью речи под названием существительное» (Bentham 1843b, 195). В силу своей грамматической формы имена вымышленных сущностей, казалось бы, предназначены для обозначения какой-либо вещи, но это ощущение, по мнению Бентама, обманчиво. Вымышленной сущностью «является сущность, которой, исходя из грамматической формы дискурса, должно быть приписано существование, но в действительности этого не может произойти» (Bentham 1843b, 197). Сама структура предложения вводит нас в заблуждение, вынуждая рассматривать вымышленные сущности так, как если бы они существовали. Таким образом, «сущность является либо реальной, либо вымышленной» (Bentham 1843b, 195). Точнее говоря, «деление сущностей на реальные и вымышленные – это, на самом деле, деление *имен* реальных и вымышленных сущностей» (Bentham 1843b, 198). Имена вымышленных сущностей являются для Бентама лишь «фальшивыми» именами, т.е. именами несуществующих вещей; только те вещи, которые являются реальными сущностями, могут быть обозначены «подлинными» именами. Более того, у Бентама особый взгляд на то, что представляют собой реальные сущности, и, следовательно, на то, что может определять значение слова. Типичным примером реальной сущности для Бентама является объект, который мы познаем при помощи чувств, или более точно, объект внешнего мира, который мы можем воспринимать и на который можем указать (например, человек или стол), и «объекты», которые мы воспринимаем посредством внутренних ощущений (например, удовольствия и боли). Таким образом, теория Бентама, с одной стороны, предполагает расширение класса реальных сущностей с тем, чтобы включить в него реальные сущности, *выводимые разумом*, такие как «Всемогущее Существо» или «человеческая душа, отделенная от тела» (Bentham 1843a, 126). Мы не можем познать эти сущности при помощи чувств, но можем вывести их существование из того, что мы непосредственно воспринимаем, т.е. в процессе познания *чувственно воспринимаемых* реальных сущностей (Bentham 1843b, 195–196). Эти сущности он называет реальными, но не материальными. С другой стороны, разделяя тезис классического эмпиризма, Бентам предлагает отделить от

внешнего мира такие объекты как человек или стул и отнести их к классу реальных сущностей, *выводимых разумом*. Однако, единственно подлинными реальными сущностями являются индивидуальные психические объекты, т.е. чувства удовольствия и боли и *идеи* объектов внешнего мира (Bentham 1843a, 126).

Но какие именно объекты обозначаются именами реальных и вымышленных сущностей? Ответить на этот вопрос исчерпывающим образом достаточно сложно, отчасти из-за того, что предлагаемая Бентамом классификация реальных и вымышленных сущностей не имеет системного единства и рассматривается им в разных работах под разными углами зрения. Однако с определенной долей уверенности можно сказать, что общим основанием его классификации выступает аргумент о существовании. Это аргумент в теории фикционализма получил название онтологического тезиса – тезиса о том, что характерные для дискурса сущности не существуют или имеют онтологический статус вымышленных сущностей (Eklund 2017). Удачную попытку систематизировать реальные и вымышленные сущности Бентама предпринял Джон Уиздом. Он предложил весьма простую и стройную классификацию, а именно, два перечня предметов, где одни не являются, в смысле Бентама, вымышленными сущностями, а другие являются. Итак, «вымышленными сущностями не являются: 1) различные субъективные восприятия, 2) материальные субстанции, например, минералы, овощи, люди и животные, 3) нематериальные субстанции, например, душа, Бог, ангелы, дьявол. К классу вымышленных сущностей относятся те, что подпадают под десять категорий Аристотеля, исключая первую: сущность, количество, качество, отношение, место, время, положение, обладание, действие, страдание» (Wisdom 1931, 80–81). Подход Чарльза Огдена еще проще: «Короче говоря, объекты, которые поименованы словами “человек”, “животное”, “субстанция”, представляют собой различные виды реальных сущностей, в то время как объекты, которые поименованы словами “субъективное право”, “правомочие”, “обязанность”, не представляют собой реальных сущностей, но огромное количество вымышленных сущностей» (Ogden 1932, lxxvii). Однако сам Бентам подходит к делению реальных и вымышленных сущностей более осторожно; его деление вымышленных сущностей не такое простое, как это предлагается Уиздомом или Огденом. Для него важно, что классификация вымышленных сущностей позволяет не только установить общие характеристики их отдельных классов, но и выработать методологию их определения, а в некоторых случаях и элиминирования. Бентам предлагает следующее деление вымышленных сущностей: имена физических вымышленных сущностей (девять категорий Аристотеля, исключая первую);

абсолютные вымышленные сущности первого порядка (материя, форма, количество и пространство); абсолютные вымышленные сущности второго порядка (качество и модификации); вымышленные сущности, связанные с категорией отношения (различие и тождество); сопутствующие вымышленные сущности (объект, субъект, цель); политические и квазиполитические вымышленные сущности (следствия и причины) (Bentham 1843b, 199–206).

Интересным в предлагаемой Бентамом классификации представляется его трактовка категорий Аристотеля: например, он не относит к вымышленным сущностям первую категорию «сущность» (Bentham 1843b, 199). Попробуем выяснить почему. В «Категориях» Аристотель отмечает, что «сущностью, о которой бывает (речь) главным образом, прежде всего и чаще всего является та, которая не сказывается ни о каком подлежащем и не находится ни в каком подлежащем, как, например, отдельный человек или отдельная лошадь» (*Категории* 2а, пер. А. В. Кубицкого). Сущность у Аристотеля – это единственная категория, которая сама является субъектом суждения, никогда не будучи предикатом (Борисов 2015, 254; Оглезнев, Суровцев 2018, 109). Все остальные категории лишь дополнительно характеризуют единственно самостоятельное бытие – сущность, они служат высказыванием о ней и не существуют в отдельности. Вот почему сущность не может быть свойством чего-либо, она не высказывается о субъекте, о бытии, но сама есть субъект и отдельное бытие (Александров 1939, XIII). В этом смысле, категории Аристотеля – это наиболее общие предикаты, высказывающиеся об абсолютном подлежащем – сущности, т.е. это смыслы, в которых нечто предиктируется чему-то. Например, быть белым, быть четным – примеры одного смысла, или способа предиктирования; в этом случае мы имеем дело с предиктированием качества, и т. д. (Патронников 2016, 83). В отличие от «первой сущности», под которой у Аристотеля понималось единичное сущее, содержание этих понятий-предикатов составляют «вторые сущности», т.е. то, что содержится в определении: «все остальное или сказывается о первых сущностях как о подлежащих, или же находится в них как в подлежащих. Поэтому если бы не существовало первых сущностей, не могло бы существовать и ничего другого» (*Категории* 2b, пер. А. В. Кубицкого). С точки зрения Бентама, разделявшего принципиальные установки номинализма, общие понятия, обозначающие «вторые сущности», не обозначают вообще ничего, поскольку ничему не соответствуют в реальности. Как справедливо отмечает Н. А. Сиома, «Бентама “Категории” интересуют в контексте поиска способа для объяснения и последующего устранения вымышленных сущностей: если они связаны с первой сущностью непосредственно (например, “падение тела”), то никакой сложности для понимания

нет. Однако если фикция относится к другой фикции как к подлежащему (например, «свободное падение»), то в отдельных случаях возникает угроза принять грамматическое подлежащее как субстанцию» (Сиома 2013, 119). Но в каком смысле вымышленные сущности Бентама, соответствующие девяти категориям Аристотеля, существуют, если, в смысле Аристотеля, они сущностями не являются? Бентам отвечает на этот вопрос так: «языку и только языку вымышленные сущности обязаны своим существованием – своим невозможным, но и необходимым существованием» (Bentham 1843b, 198). Таким образом, для Бентама, все есть либо первая сущность, либо грамматическая абстракция, не существующая вне языка (Сиома 2013, 120).

Но как тогда определить (проанализировать) понятия, обозначаемые именами вымышленных сущностей, и по возможности их элиминировать? Единственным способом, который может быть здесь полезен, по мнению Бентама, является метод парафразы (*paraphrasis*): «Парафраз является единственно полезным способом тогда, когда вещь, обозначаемая именем вымышленной сущности, не имеет общего рода» (Bentham 1843c, 246). В чем же заключается уникальность парафразы? Например, Росс Гаррисон так ответил на этот вопрос: «Если определение предназначено лишь для прояснения, и если оно применимо только к реальным сущностям, т.е. к тому, с чем мы знакомы, это значит, что при помощи такого определения у нас не получится прояснить термины, которые не обозначают реальных сущностей. Родовидовое определение полезно только тогда, когда род известен. Конечно, добиться того, чтобы род стал известен можно и при помощи других определений; но поскольку мы имеем дело с терминами, не имеющими общего рода, необходимо использовать другой метод – метод парафразы» (Harrison 1983, 56). Таким образом, «словом парафраз можно обозначить такое изложение, когда суждение, субъектом которого является ни что иное как вымышленная сущность, превращается в суждение, субъектом которого выступает реальная сущность» (Bentham 1843c, 246). Техника парафразы осуществляется следующим образом. Чтобы прояснить смысл имени вымышленной сущности, нужно прежде всего сформировать суждение, где слово, нуждающееся в объяснении, является «основным или смыслообразующим», – эта операция называется фразеоплероз (*phraseoplerosis*), т.е. «наполнение фразы». Затем нам нужно перевести эту фразу в другую фразу с тем же самым смыслом или содержанием, где этим словом становится имя реальной сущности (Bentham 1843c, 246). Возьмем, например, слово «обязанность». У лица (X) есть юридическая обязанность, когда у кого-то другого (Y) есть право требовать от X ее исполнить, и в этом случае X имеет обязанность в отношении Y, а Y – субъективное право в отношении X; то что у Y

есть субъективное право на то, чтобы Х исполнил свою обязанность, связано с тем, что Х по заявлению Y может быть привлечен к юридической ответственности за неисполнение этой обязанности. При таком подходе понятие «обязанности» как бы разлагается на более простые элементы: на возможность быть привлеченным к ответственности и быть наказанным за невыполнение определенного действия, когда это необходимо сделать в силу имеющегося субъективного права.

Здесь следует особо отметить, что Бентам не называет парафраз определением; более того для его теории отделение парафраза от определения имеет важное эпистемологическое значение. Когда он говорит об определении, то в большинстве случаев речь идет о классическом способе определения *per genus et differentiam*, полезность которого им оспаривается. Для Бентама определение – это не просто технический прием, не просто логический способ установления или уточнения связи языкового выражения с тем, что оно обозначает как знак языка, но важный процесс объяснения и прояснения идеи, выраженной в форме того или иного термина. Есть и вполне методологическое обоснование необходимости различать парафраз и определение: «при *определении* фраза используется для объяснения отдельного слова: *при парафразе* фраза используется для объяснения целостной фразы» (Bentham 1843a, 126). Как верно отмечает Гаррисон, определение и парафраз являются для Бентама «разновидностями одной более общей деятельности такой как объяснение» (Harrison 1983, 53). «*Определить* слово, – пишет Бентам, – значит указать на некоторую совокупность, где обозначен каждый объект, а также указать на некоторое качество или свойство, которым этот объект обладает, но которым не обладает никакой другой объект этой же совокупности» (Bentham 1843c, 245).

Связана ли невозможность применения родовидового определения к анализу понятий, обозначенных именами вымышленных сущностей, только с тем, что такие понятия не имеют общего рода? Или же отсутствие общего рода обуславливает их особый характер? Объяснение Бентамом того, что парафраз следует использовать тогда, когда «вещь, обозначаемая именем вымышленной сущности, не имеет общего рода», по мнению Гаррисона, следует понимать, как конъюнкцию двух утверждений: первое – вещь обозначается именем вымышленной сущности, и второе – вещь не имеет общего рода (Harrison 1983, 57). Это в полной мере соответствует логике самого Бентама, который на примере анализа слова «обязанность» демонстрирует взаимосвязь этих утверждений: «Обязанность – это имя не реальной, но лишь вымышленной сущности, и эта вымышленная сущность не имеет общего рода, поэтому определение традиционной формы, *per genus et differen-*

tiam, оказывается здесь неприменимым, работает только объяснение при помощи парафраза» (Bentham 1843с, 247). Получается, что дело совсем не в том, что родовидовое определение не применимо потому, что определяемый объект является вымышленной сущностью, но скорее в том, что определяемый объект является и вымышленной сущностью и невосприимчивым к подобного рода определению. Возможно, именно это обстоятельство Гаррисон имеет в виду, когда говорит, что «основная сложность здесь в том, что есть и вымышленная сущность, и то, что у нее отсутствует общий род, а не в том, что отсутствие общего рода связано с тем, что это – вымышленная сущность» (Harrison 1983, 58). Конечно, из того, что у понятия отсутствует общий род, совсем не следует то, что это понятие представляет собой вымышленную сущность. Например, боль и удовольствие, которые Бентам относил к реальным сущностям, также не имеют общего рода. Но если нечто обозначается именем вымышленной сущности, то из этого уже с необходимостью следует то, что данное понятие не имеет общего рода, и родовидовое определение здесь не применимо. Бентам предложил решить эту проблему, переключив внимание с анализа отдельного термина на анализ набора таких терминов. Нужно исследовать не отдельные слова или термины, но предложения или суждения, в которых они используются. Самым надежным способом как раз и будет парафраз, буквально понимаемый как «предоставление одной фразы вместо другой». Так, например, вместо того чтобы определять такое слово как «обязанность», взятое отдельно, «нам следует исследовать законченное предложение, в котором оно используется; необходимо спрашивать не о значении слова “обязанность”, но о значении утверждения, что у человека есть обязанность, а затем искать перевод или подбирать синоним такому утверждению» (Hart 1982, 43). Важным следствием этой идеи является то, что отдельные слова приобретают значение в результате анализа пропозициональных форм: «Основные новации Бентама как философа как раз и происходили из этого прозрения; поскольку он верил, что отношение языка, а также мышления, к миру будет совершенно неправильно истолковано, если мы понимаем предложения как состоящие из слов, которые лишь просто именуют или обозначают элементы реальности и, следовательно, имеют смысл независимо от сентенциальных форм» (Hart 1982, 10).

Таким образом, онтологические размышления Бентама о природе вымышленных сущностей и разработанная на их основе техника парафраза оказали сильное влияние не только на логико-семантические концепции, но также на методологию исследования «абстрактных терминов, в изобилии представленных в этике и юриспруденции» (Bentham 1981, 233). Конеч-

но, у техники парафразы, как и всей теории фикционализма Бентама, есть и слабые стороны (Champs 1999, 2), влияющие на эффективность ее применимости, что и привело, в конечном счете, к необходимости ее трансформации в, так называемое, определение в употреблении (*definition in use*) – особую разновидность контекстуального определения. Но именно идея парафразы оказалась действенным инструментом для теории вымышленных (или логических) сущностей, теории о том, что абстрактные термины следует исследовать в рамках пропозиционального контекста, в котором они используются характерным для себя образом.

БИБЛИОГРАФИЯ / REREFERNCES

- Александров, Г. Ф., ред. (1939) *Аристотель. Категории. С приложением «Введения» Порфирия к «Категориям» Аристотеля*. Москва.
- Борисов, Е. В. (2015) “Две интерпретации логического детерминизма у Аристотеля,” *ΣΧΟΛΗ (Schole)* 9, 253–259.
- Оглезнев, В. В., Суровцев, В. А. (2018) “Определение *per genus proximum et differentiam specificam* и юридический язык: Аристотель и аналитическая юриспруденция,” *ΣΧΟΛΗ (Schole)* 12, 108–121.
- Патронников, И. А. (2016) “Является ли *Isagoge* Порфирия введением к «Категориям» Аристотеля,” *Философский журнал* 4(9), 80–91.
- Сиома, Н. А. (2013) “Проблема фиктивных сущностей в философии права Джереми Бентама,” *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7, Философия* 1(19), 117–123.
- Bentham, J. (1891) *A Fragment on Government*. Oxford.
- Bentham, J. (1843a) “Chrestomathia,” J. Bowring, ed. *The Works of Jeremy Bentham*, vol. 8. Edinburgh, 1–192.
- Bentham, J. (1843b) “A Fragment on Ontology,” J. Bowring, ed. *The Works of Jeremy Bentham*, vol. 8. Edinburgh, 193–211.
- Bentham, J. (1843c) “Essay on Logic,” J. Bowring, ed. *The Works of Jeremy Bentham*, vol. 8. Edinburgh, 212–294.
- Bronzo, S. (2014) “Bentham’s Contextualism and Its Relation to Analytic Philosophy,” *Journal for the History of Analytical Philosophy* 8, 1–41.
- Champs, E. (1999) “The Place of Jeremy Bentham’s Theory of Fictions in Eighteenth-century Linguistic Thought,” *Journal of Bentham Studies* 1(2), 1–28.
- Eklund, M. (2017) “Fictionalism,” *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, E. N. Zalta, ed., URL = <<https://plato.stanford.edu/archives/win2017/entries/fictionalism/>>
- Harrison, R. (1983) *Bentham. The Arguments of the Philosophers*. London.
- Hart, H. L. A. (1982) *Essay on Bentham. Studies in Jurisprudence and Political Theory*. Oxford.
- Ogden, C. K. (1932) *Bentham’s Theory of Fictions*. London.
- Tarantino, P. (2018) *Philosophy, Obligation and the Law: Bentham’s Ontology of Normativity*. London & New York.

- Schofield, P. (2009) *Bentham: A Guide for the Perplexed*. London & New York.
- Wisdom, J. (1931) *Interpretation and Analysis in Relation to Bentham's Theory of Definition*. London.
- Quine, W. V. O. (1969) *Ontological Relativity and Other Essays*. New York.

Russian language sources transliterated:

- Aleksandrov, G. F., red. (1939) *Aristotel'. Kategorii. S prilozheniem «Vvedeniya» Porfiriya k «Kategoriyam» Aristotelya*. Moscow.
- Borisov, E. V. (2015) "Dve interpretatsii logicheskogo determinizma u Aristotelya," *ΣΧΟΛΗ (Scholē)* 9, 253–259.
- Ogleznev, V. V., Surovtsev, V. A. (2018) "Opredelenie per genus proximum et differentiam specificam i yuridicheskij yazyk: Aristotel' i analiticheskaya yurisprudentsiya," *ΣΧΟΛΗ (Scholē)* 12, 108–121.
- Patronnikov, I. A. (2016) "Yavlyaetsya li *Isagoge* Porfiriya vvedeniem k «Kategoriyam» Aristotelya," *Filosofskij zhurnal* 4(9), 80–91.
- Sioma, N. A. (2013) "Problema fiktivnykh sushhnostej v filosofii prava Dzheremi Bentama," *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7, Filosofiya* 1(19), 117–123.